

Н. П. КОЛПАКОВА

НОВЫЕ ЗАПИСИ БЫЛИН НА ПЕЧОРЕ

Публикуемые ниже былины — часть фольклорных материалов, привезенных летом 1955 года экспедицией Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР, работавшей в Коми АССР, в районе среднего течения реки Печоры (Усть-Цыльма и ее окрестности).

Общеизвестны богатые коллекции печорских былин, собранные в этих местах в начале XX века Н. Е. Ончуковым и в 1929 году А. М. Астаховой.¹ Одной из основных задач экспедиции 1955 года было проверить современное состояние былинного эпоса в районе Усть-Цыльмы и произвести разведку по притокам Печоры — в верховьях реки Пижмы и по реке Цыльме, где записи былин никогда еще не производились.

Трудно было надеяться найти какие-нибудь новые, еще неизвестные науке былинные сюжеты; но представлялось в высшей степени интересным обследовать места, еще не разведанные фольклористами, выяснить наличие в них былинной традиции и установить ее преемственную связь с материалом, записанным несколько десятков лет тому назад в близких окрестностях.

В течение двух месяцев работы (июль—август) и в самой Усть-Цыльме, и по рекам Пижме и Цыльме сотрудники экспедиции неоднократно встречались с исполнителями классического былинного репертуара. Хотя очевидно, что былины на Печоре в наши дни не развиваются, а угасают, тем не менее в различных селениях Усть-Цылемского района имеются былинщики (притом разного возраста), знакомые с классическим былинным наследием.

Из певцов, которых записывала в 1929 году А. М. Астахова (не говоря уже о былинщиках, певших Н. Е. Ончукову), экспедиция почти никого не нашла. Живыми, здоровыми и бодрыми оказались лишь Еремей Провович Чупров, 67 лет, и Малафей Иванович Чупров, 68 лет, — оба в дер. Абрамовской на реке Пижме.

Но если умерли или состарились до дряхлости былинщики поколения 1920-х годов, экспедиция встретила ряд других, которые, по-видимому, остались неизвестными предшествующим собирателям или успели за это время прийти в возраст и стать былинщиками. Экспедиция записала ряд былинщиков, не записанных ранее собирателями: в Усть-Цыльме — Тимофей Семенович Дуркин, 84 лет; Гаврила Васильевич Вокуев, 73 лет; на Пижме — Дмитрий Федорович Чуркин, 79 лет (дер. Чуркино); Маркел Маркелович Чупров, 72 лет (дер. Абрамовская); Демид Фатеевич Бобрецов, 71 года (дер. Степановская); Семен Иванович Чупров, 67 лет (дер. Абрамовская); Сидор Нилович Антонов, 63 лет, и его жена Агафья

¹ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904; Былины Севера, т. I. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

Григорьевна Антонова, 47 лет (оба в дер. Скитской); Леонтий Тимофеевич Чупров, 52 лет (дер. Боровская), и его жена Анна Лукична Чупрова, 43 лет; Федосья Федотовна Остахова, 52 лет (дер. Скитская); Павла Маркеловна Чупрова, 30 лет (дер. Скитская). Последняя — дочь певца М. М. Чупрова из дер. Абрамовской.

Все эти исполнители не были раньше записаны собирателями.

Репертуар былин, собранных экспедицией в Усть-Цыльме и на реке Пижме, во многом совпадает с записями Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой. Нам встретились былины «Илья и Сокольник», «Бутман», «Про Скопина», «Первая поездка Ильи». Особенно популярными оказались сюжеты «Илья и Сокольник» и «Бутман», которые встречались нам и полными текстами, и в отрывках. Там же, в Усть-Цыльме, была нами записана редко встречающаяся на Печоре былина о Добрыне и змее, с полным и крепким текстом.

Что касается не исследованной предыдущими собирателями реки Цыльмы, то в ее деревнях, как указывалось местными жителями, былинщики немало, но далеко не всех их мы могли повидать из-за того, что многие из них находились на промыслах (в лесу или у моря), где разыскивать их не представлялось никакой возможности. Тем не менее на Цыльме мы записали былины от двух талантливых исполнителей — Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет (дер. Трусовская), и Лазаря Михайловича Носова, 76 лет (дер. Кривомежная). От первого мы получили большие цельные тексты былин «Соловей Будимирович», «Чурила», «Илья и Соловей разбойник». Второй спел длинную былинку «Про Фатена» (Хотен Блудович) и отрывок былины «Про Добрыню» (Добрыня и Дунай).

Из записанных 17 сказителей не все одинаковы по своему репертуару и степени мастерства. Некоторые знают не по одной былине, поют уверенно, твердо, не сбиваясь. К таким мастерам принадлежат Е. П. Чупров в дер. Абрамовской, Н. Ф. Ермолин и Л. М. Носов на Цыльме, Т. С. Дуркин и Г. В. Вокуев в Усть-Цыльме. Другие помнят немного, знают только фрагменты былин. Женщины-сказительницы поют обычно с мужьями (вернее — подтягивают им), а самостоятельно исполнить былинку не могут. Былинщики, которые дали нам полноценный материал, принадлежат к различным типам певцов.

Совершенно незабываемое впечатление производит такой мастер, как Еремей Провович Чупров. Очень темпераментный, энергичный, прекрасно знающий свои былины, он исполняет их с громадным увлечением, все больше и больше воодушевляясь во время пения, не обращая внимания на толпу слушателей, которая обычно собирается в таких случаях в избу. Репертуар Е. П. Чупрова невелик, но исполнительское мастерство необычайно высокого качества.

Другой — не менее интересный и своеобразный — тип сказителя представляет Л. М. Носов. Веселый, кроткий старик, с шутками и прибаутками в разговорной речи, приветливый, небольшого роста, он по внешности является полной противоположностью мужественному, высокому, несколько суровому Чупрову, в котором, несмотря на его возраст — 67 лет, нет ничего стариковского. Если Чупров пел про бой отца с сыном, про удалой разгул Бутмана, то репертуар Носова — новеллистический, семейно-бытовой. Исполняет Лазарь Михайлович былины очень охотно. Наша встреча с ним произошла несколько неожиданно — на дороге при переходе из деревни в деревню, после того как мы долго и тщетно разыскивали его по всем деревням Цыльмы. Оказалось, что старик гостил у сына и теперь возвращался домой. С первых же слов знакомства Л. М. Носов проникся со-

чувствием к нашей работе и, не останавливаясь, на ходу, запел былину о женитьбе Хотена. Пришлось сделать остановку и тут же, на краю придорожной канавы, начать запись, чтобы не упустить того вдохновения, которое явно овладело певцом; старик был чрезвычайно доволен нашим вниманием к его «старинам».

Третьим типом сказителя явился Леонтий Тимофеевич Чупров из деревни Боровской на Пижме. Сравнительно еще молодой для былинщика — ему 52 года — Леонтий Чупров поет спокойно, деловито, не особенно увлекаясь, но очень истово и старательно. От него были записаны былины «Илья и Сокольник» и «Про Бутмана».

Наконец, четвертая встретившаяся нам разновидность сказителя — Дмитрий Федорович Чуркин из дер. Чуркино на Пижме. Это высокий, красивый старец с пышной седой бородой, с большим достоинством в неторопливых манерах, в речи, во всем величавом облике. Та же величавость и достоинство проступали и в его артистической манере. Он пел, словно любуясь былиной и оценивая всей душой то мастерство, с которым народная поэзия сумела передать предания прошлого. От него была записана былина про Скопина.

Людей, знающих «старины», на Печоре и ее притоках знают, любят и глубоко уважают за их искусство. Помимо мастеров, известных иной раз далеко за пределами своих деревень (как Е. П. Чупров, Н. Ф. Ермолин, Д. Ф. Чуркин), во многих селениях имеются колхозники, знающие отдельные отрывки из той или другой былины, умеющие слегка напеть их. Среди таких исполнителей встречаются люди лет сорока и даже тридцатилетние. Но трудно сказать, станут ли они к старости былинщиками-мастерами, или же их сегодняшнее знание былинного эпоса дальше не разовьется и погибнет.

Запись былинных текстов производилась экспедицией параллельно с записью напевов. Из музыкальных особенностей печорских былин можно отметить короткую и ясно очерченную строфу (охватывающую одну строку текста), четкий ритмический рисунок, почти полную устойчивость интонационных оборотов. По своим музыкально-стилистическим особенностям напевы былин на Печоре, Пижме и Цыльме ближе к песенной, нежели к речитативно-декламационной сфере интонаций.

Напевы эти, как правило, к разным былинным сюжетам различны. У каждого сказителя имеются свои напевы, в силу чего былины на один и тот же сюжет, записанные от разных исполнителей, в музыкальном отношении обычно не совпадают друг с другом.

Репертуар свой былинщики на Печоре, почти как правило, знают от отцов и дядей или от каких-нибудь других стариков, с которыми с юности сживали вместе на рыбных промыслах или у берегов моря, охотясь на морского зверя. Там молодые сказители привыкали петь, подпевая старшим. В ряде случаев мы слышали былинку в исполнении двоих или троих певцов; более крупные мастера поют обычно одни, но рядовые исполнители охотно привлекают к пению соседей или членов семьи, которые могут им подтягивать (причем обычно в унисон, без подголосочных распевов).

В быту исполнение былин можно услышать чаще всего в таких случаях, как большой общий праздник, за столом, при народе, когда односельчане и собравшиеся просят былинщика спеть «старину». Но поются былины и в обычной будничной обстановке — за работой, при переездах в лодке из деревни в деревню, нередко в полном одиночестве. Участникам экспедиции привелось слышать исполнение былин и на месте в деревнях, и в пути при пешем и водном передвижении из села в село, при беседе в тес-

ном кругу и при большой аудитории. К записи былин (особенно на магнитофон) исполнители относились чрезвычайно внимательно, сочувственно и серьезно, охотно фотографировались и с большой гордостью рассказывали о своих фотографиях, помещенных в сборнике А. М. Астаховой «Былины севера».

Ниже приводится несколько текстов и напевов, записанных экспедицией ИРЛИ в 1955 году от разных былинщиков Усть-Цылемского района. При отборе материала для публикации учитывались: 1) степень неисследованности того микрорайона, где была произведена запись (в силу чего из 5 публикуемых былин 3 взяты из записей, сделанных на реке Цыльме); 2) необходимость показать разнообразие былинных сюжетов в Усть-Цылемском районе и среди них — некоторые сюжеты, редкие для Печоры (как например № 1 — «Добрыня и змей»); 3) степень художественной полноценности текстов и напевов.

Все публикуемые тексты записаны Н. П. Колпаковой. Магнитофонные записи произведены Ф. В. Соколовым. Расшифровки выполнены: №№ 1, 2, 4 — М. П. Дьяченко, № 5 — Ф. В. Соколовым.² При расшифровке в текстах сохранены вставные гласные, звучавшие при пении.

Названия былин даны самими исполнителями. Подзаголовки, помещенные в скобках, даны собирателем.

1

ПРО ДОБРЫНЮ (ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ)

Вот и прежде Казань и дак слободой и стоял,
 Кабы нынче Казань дак славный город стал.
 Как во том еще в Казани да славном городе
 Уже жил тут и был Микитушка Романович,
 5 Уже жил он и жил девяносто лет, а девяносто лет.
 Как состарилсе Микитушка ах и преставилсе.

(Помер!)

Как оставалась у него дак молода жена,
 Молода его жена дак любимá семья,
 Как осталась она беременна.
 10 Уж носила она сорок неделичек,
 Как спрносила она сорок неделичек,
 Как исполнила она дак девять месяцев,
 Уж родила она себе сына да ясна сокола,
 Уже собирала она себе нынче попов и дьяков,
 15 Как всех церковных она дак нынч причетников,
 Уже думали имечко назвать мальчика,
 Уже нáзвали его Добрынюшкой:
 Ох ты ой еси, Добрынюшка Микитич-бат!
 Стал Добрыня растеть, матереть
 20 Не по годам, не по месяцам — по неделюшкам.
 Вырос Добрыня до трех годов,
 Стал Добрыня по улице похаживати,
 С малыми ребятками стал поигрыватьи,
 На кого осердится — возьмет за руку, рука прочь,
 25 Кого возьмет за ногу — нога прочь,

² Былина № 3 исполнялась на один напев с № 4.

- Кого возьмет за голову — голова прочь,
 Посередке возьмет — живота лишит.
 Стали людишки ходить, на Добрыню жалиться:
 — Прокажит Добрыня, убивает ребят.
- 30 Не стал больше Добрыня по улице похаживать, —
 Запретила его маменька родимая.
 Стал ходить Добрыня во божью церковь,
 Стал учиться божьей грамоте.
 Ходил он, учился три годá,
- 35 Выучилсе божьей грамоте.
 Тогда вздумал прогуляться на добром коне на родительском
 По чистым полям, зеленым лугам.
 Стал просить у матери благословленьица
 Съездить ко синю морю,
- 40 Пострелять гусей, белых лебедей,
 Побить серых малых уток.
 Не дает ему маменька благословленьица:
 — Молодехонек ты, зеленехонек,
 На расцвете травка шелкова,
- 45 На прочите¹ листики малиновы.
 Падает Добрыня во второй-от раз,
 Просит Добрыня благословленьица.
 Не дает ему маменька родимая.
 Падает Добрыня в третий раз:
- 50 — Дашь — поеду, и не дашь — поеду.
 Тогда дала ему матушка благословленьице
 Со буйной головы до сырой земли.
 Соскочил Добрыня на резвыи ноги,
 Он бежал вон на улицу,
- 55 Он бежал на конюшен двор,
 Он имал себе коня по свою плечу,
 Обуздал его уздечкою тесмяною,
 Обседлал его седельшком зеркальчатым,
 Во седельшко он клал да плотны потнички,
- 60 На потнички стелил мягки войлочки,
 Застегивал двенадцать подстегбленок,
 Метал тринадцатую через сильну степь,
 Через сильну степь лошадиную:
 — Это не ради басы — ради крепости,
- 65 Не оставил чтобы конь меня в чистом поле.
 Молодехонек я, зеленехонек,
 Шести лет я ведь отроду.
 Положил в седельшко он палицу буёвую шестьдесят пудов,
 Положил копейцо бурзомецкое,
- 70 Положил сабельку вострую,
 Положил тугой лук и стрелочки калёные,
 Пошел тогда в палаты белокаменны,
 Зашел Добрыня к своей маменьке.
 Срядился Добрынюшка скоро-наскоро
- 75 Он во платье во дорожное,
 Распростилсе он со всеми нянечками, служаночками,

¹ На прочите — вместо на прочёке, т. е. в стадии распускания.

- И простилсе с маменькой родимой.
 Вышли спровожать его на крылечушко.
 Вынесла маменька его плеточку шелковую
 80 Семи шелков, семи разных заморских:
 — Много людей к морю ездило,
 А мало приезживало.
 У тя отец с этой плеточки всегда живой приезжал.
 Станешь стрелять гусей, белых лебедей,
 85 После — малых серых уток,
 Как приедешь ко синю морю —
 Там тебе и припотееетсе,
 Станешь в морюшке купатисе,
 Перва струя хороша, а другá еще лучше того,
 90 А третья струя зла-относчива,
 Отнесет тебя во синё морё.
 Распростилсе Добрыня с родной маменькой,
 На коня скочил, в стремена ступил,
 Не видали поездки богатырской,
 95 Не видали побезки лошадиной,
 Только видят — в поле куревá стоит,
 Куревá стоит, пар столбом валит,
 Из ноздрей искры сыпом сыплютсе,
 Изо рту пламя — огонь столбом стоит.
 100 Начал гонять Добрыня по чистым полям.
 Вот он приехал ко синю морю,
 Стрелял гусей, лебедей, малых серых уток.
 Вот задумал Добрыня искупатисе.
 Поплыл по первой струе, а другá еще лучше того,
 105 Тогда придумал поплыть на третью струю.
 А третья струя был относчива,
 Отнесла молодца на синё морё.
 Стал Добрыня по морю поплавывати,
 Стал во сине море поныривати.
 110 Надлетает на его змея лютая,
 Небылыми речьми она похваляется:
 — Хочу я тебя, молодца, теперь в воде стоплю,
 Хочу тебе в огне сожгу,
 Хочу тебя в смоле сварю.
 115 Плават Добрынюшка во синём морё,
 Плават Добрыня, сам печалитсе.
 Собрал он все силы богатырские,
 Нырнул тогда он в быстру струю зло-относчиву,
 Вынырнул Добрыня на доброй струе,
 120 Нырнул, выскочил на берег к добру коню,
 Натянул себе только одни штаны,
 На босу ногу сапожечки сафьянные,
 Не успел надеть шубу енотову —
 Налетела змея лютая,
 125 Стары хоботы наметьивает.
 Ухватил Добрыня копьцо бурзомецкое,
 Начали они тут ратитьсе.
 От руки его копейцо загоралосе,
 По насадочке извихалосе.

- 130 Бросил его Добрыня на мать сыру землю,
 Ухватил он палицу буёвую,
 Палицу буёву шестьдесят пудов,
 Начал лупить змею палицей буёвою.
 От руки его палочка загореласе,
- 135 По насадочке извихаласе.
 Бросил палицу Добрыня на матушку сыру землю.
 Схватил он тогда сабельку вострую,
 Он начал рубить змею той саблей вострою.
 От руки его сабля загораласе,
- 140 По насадочке извихаласе
 И с носка до пяты вся исщербаласе.
 Бросал ее Добрыня на матушку сыру землю.
 Схватился он со змеюшкой в рукопашный бой.
 Во одних Добрыню суточках
- 145 Из силы Добрыню выбило.
 Стала змеюшка его да все потарзывать,
 Стала змеюшка посвистывать,
 Пала в ум Добрыне плеточка шелкóвая,
 Что давала родна матушка.
- 150 Сунул праву руку во правóй карман —
 Попала плеточка ему в руку шелкóвая.
 Вытащил Добрыня плеточку шелкóвую,
 Начал бить-лупить змею он лютую.
 Стала змеюшка взвиватисе,
- 155 Стала Добрынюшке канатисе:
 — Спусти меня на свет живой.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 — Когда вышел я из синя моря,
 Не дала ты мне срядитисе,
- 160 Не дала ты мне сесть на добра коня,
 Нет тебе боле спуску, не будет от меня.
 Застегал змею Добрынюшка до смерти.
 Нарвал там сырых дубов, развел огонь
 И взвалил он змею люту на огóничек.
- 165 И докуль не сгорела змея лютая —
 Не ложился спать Добрынюшка.
 Тогда выкопал яму преглубокую,
 Пепел срыл туда, захоронил землей,
 Навалил поверх хряща-каменя.
- 170 Вот тогда Добрыня попил, поел чего бог послал,
 Привязал коня к себе за праву ногу
 И лег спать под сырой дуб.
 Спал Добрынюшка трое суточки
 Со побоища великого.
- 175 Разбудилсе он, направилсе,
 Тут садилсе Добрыня на добра коня,
 Поехал в дальний путь-дороженьку —
 Искать змеиный дом, где жила змея лютая.
 Долго ездил Добрыня по чистым полям,
 180 По чистым полям, по темным лесам,
 И нашел он змеиный дом.
 У змеи была унесена красавица,

По всему свету забавница.
 Выручал себе Добрынюшка красавицу,
 185 Позабрал он у змеи злата-серебра
 И камней драгоценных
 И сожог Добрыня зменный дом.
 Отправлялся во свое место Добрынюшка,
 Скоро сказка скажется, долго дело деется.
 190 Еще ездил Добрыня двенадцать лет,
 А уехал он в шесть годов,
 А приехал домой в восемнадцать лет.
 Он привез себе жену красавицу,
 По всему свету забавницу.
 Тут и конец.

(Шутово дело, старины-то, да ведь вот как долго).

Записано 25 августа 1955 года в Усть-Цыльме от Тимофея Семеновича Дуркина, 84 лет.

2

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА
 (БОЙ ИЛЫ МУРОМЦА С СЫНОМ)

Ой, недалёко от города от Киева,
 Недалёко, неблизко да за двенадцать верст
 Стояла застава да богатырская.
 Невелика, немала — тридцать да со богатырем.
 5 Они ходили каравулили стольный Киев-град,
 Тут ни конной, ни пеший не прохаживал,
 Ни рысучий зверь да не пробегивал,
 Ни ясэн сокол да не пролётывал,
 Жил за старшого да Илья Муромец.
 10 Поутру вставал да он ранёшенько,
 Умывается старой да ключевой водой,
 Вытирается старой да полотеничком,
 Богу молитсе да не по множеству,
 Одевал козловы те сапожки на белы чулки,
 15 А кунью шубу да на плечи,
 А пуховой колпак да на головушку,
 А брал он трубочку подзорную,
 И зрел-смотрел на все стороны.
 На севере стоят да ледяны горы,
 20 А еще зрит в сторону восточную.
 На восточной стоят да леса темные.
 А еще зрит-смотрит в ту да южную.
 А на юге там стоят луга зеленые.
 А еще зрит-смотрит во сторону во западную.
 25 А на западе стоит да поле чистое,
 Поле чистое да все Куликово.
 Там славной Буян остров он шатается,
 А не Саратовски там горы да воздымаются,
 А ведь едет богатырь да забавляется.

- 30 В руках держит да свой лук тугой,
Он стрелочку калёну да сам постреливат,
На лету ее подхватыват.
На землю ее да не ураниват.
На левом колене у его чернильница,
- 35 На правом колене его бумажечка.
А и пишет он арлык да скору грамоту.
Он подмётыват да ко белу шатру,
Выбегат старой да он скорешенько,
Брал он записочку легошенько,
- 40 Давал читать Добрынюшке Никитичу.
Где читал Добрыня, да усмехаётся:
— А не идет богатырь, да похваляется:
«Уж я еду к вам в стольный Киев-град,
Пошуметь-погреметь да в стольном Киеве,
- 45 Я божьи церкви на дым спущу,
А церковны-те иконы на поплав воды,
А медны кресты я во грязь стопчу.
Владимира-князя под меч склоню,
Апраксию-княгиню за себя возьму.
- 50 Крупну силу да я повыбью всю,
Мелку силу я повыгоню,
Да Добрынюшку Никитича да во писари».
Закричал старой громким голосом:
— А не время спать да нам пора вставать,
- 55 Не от великого хмелю да просыпаетисе,
Не от крепкого сна вам разбудитисе.
А кого же мы пошлем да за богатырем,
А кого же мы пошлем да за могучим?
А послать-то не послать Самсона да Колыбанова?
- 60 А Самсон-от Колыбанов роду да он сонливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать-то Мишку-ле Турупанишка?
А Мишка Турупанишка роду-ле да торопливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову,
- 65 А послать-то не послать Алешеньку Поповича?
А Алешенька Попович роду заговёрлива,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежлива,
- 70 А сумеет он с богатырем ведь съехаться.
А не видели, как Добрыня да на коня скочил,
А не видели, как Добрыня да в стремяна ступил,
Только видели в поле копоть стоит.
Где догнал Добрынюшка богатыря,
- 75 Он кричал ему да во первой закон:
— Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напұс¹ даю.
А на это тут детина да не ослушалсе,
А закричал Добрыня да во второй закон:
80 — Если русский богатырь, да поворот держи,

¹ Т. е. напұск, натиск.

- А не русский богатырь, да я напѹс даю.
 А на это тут детина да не ослушалсе.
 А кричал Добрыня да во третий након:
 — Если русский богатырь, да поворот держи,
 85 А не русский богатырь, да я напѹс даю.
 А на это тут детина да не ослушалсе.
 А тут стал Добрынюшка ругатисе:
 — А едешь гадина да перегадина,
 А летишь ворона да пустопѣрая,
 90 А летишь, машешься, сорока да загумѣнная.
 А была у нас у барина коровка набозыкова,²
 По загуменьям коровина волочиласе,
 Алавиной³ корова да подавиласе.
 А верно те, собаке, да то же надобно.
 95 А на это тут детина да поворот дает,
 О да брал он Добрыню да за желты кудри,
 А бросал его да на сыру землю,
 А дал ему да тут по тыпышу,
 А прибавил еще да по олабышу.
 100 — А поезжай, грит, ты назад да во белой шатер,
 А скажи-ка старику да ты низкой поклон,
 А что он вами, г. . . . , да заменяется.
 Ему самому со мною да не поправитсе.
 А и едет Добрыня да не по-старому,
 105 А и конь его бежит да не по-прежнему,
 А повеся держит Добрыня да буйну голову,
 Потопя его да очи ясные.
 А де стал старой Добрынюшку выпрашивать,
 А Добрынюшку выпрашивать, его выведывать.
 110 — Видел в поле да я богатыря,
 А шлет ли тебе да он низкой поклон,
 А говорит — что он вами, г. . . . , да заменяется,
 Ему самому со мною да не поправитсе.
 А завидело око да молодецкое,
 115 А слышало ухо да богатырское,
 Расходились его плеча могучие,
 Рассердилось его да ретиво сердце.
 — Оседлайте мне да вы добра коня.
 Уберите его да вы со трех цепей,
 120 Укладите восемь подпружичек,
 А девятую кладите да через хребтину.
 А на шею кольчужечку серебряну,
 А не ради красы дак молодецкой,
 А ради крепости да богатырской,
 125 А чтобы не оставил доброй конь да во чистом поле.
 А не успеете вы шей котла сварить,
 А привезу я вам погану да буйну голову,
 На погаленье вам дам, на поруганье.
 А не видели, как старой да на коня вскочил,
 130 А не видели, как он да в стремена вступил,

² Т. е. старая (от «базыга» — старый хрыч).

³ Вместо «оловиной» — осадками от браги, пива, кваса.

- А только видели в чистом поле копать стоит,
 Из-под копыт коня да искры сыплются,
 А из рота да коня да пламя мечется.
 Не золотиста грива да расстилается,
 135 Хвост трубой его да завивается.
 О де наговаривал Сокольник да он своим слугам,
 Он своим слугам да своим верным:
 — Уж выбирайте вы себе хозяина поласковой,
 А поласковой хозяина, повежливей,
 140 А со старым-то съехатися да не с родным отцом,
 А со старым-то съехатся да мне не брататься,
 А со старым-то съехатся да дело да под молитвою,
 День под молитвою да чья божья помощь.
 Тут не две горы да там столкнулисе,
 145 А два богатыря да съехались,
 А копыта их да повихались,
 А сабли их да пощербались,
 Ухватились они да там в охабочку.
 Они бились, дрались да целы суточки,
 150 А де старому похвально да слово встретилось,
 А лева рука да проказнулася,⁴
 А права нога да подломилася,
 А де упал старой да на сыру землю,
 Где взмолилсе старой да богородице:
 155 — А я за вас стою, да я за вас борюсь,
 А я стою, борюсь за верушку христовую,
 А выдали вы меня поганим да на погаленье,
 А на погаленье выдали, на поруганье.
 А тут не ветер полосочкой возмахиват, —
 160 У старого силы вдвое да тут поприбыло.
 Ухватил он Сокольника за подпазухи
 И бросил его да на сыру землю.
 Он вытащил ножичок булатный,
 Возорвал его латы железные,
 165 А хотел он ему резать да груди черные,
 А смотреть его да ретиво сердце,
 А в плече его рука да остоялася,
 Он стал выспрашивать богатыря:
 — Уж ты кой земли да коей матери,
 170 А как звать тебя да нын по имени?
 — Когда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты не спрашивай.
 А замажнулсе старой ведь во второй разок,
 А в локтю рука его да остоялася.
 175 — Уж ты гой еси, да добрый молодец,
 Коей ты земли да коей матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?
 — Я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты не спрашивай.
 180 Замахнулсе старой да во третий разок,

⁴ Вместо — проскользнула.

- А в заведи⁵ его рука да отстоялесе.
 — Уж ты гой еси, да добрый молодец,
 Коей земли да коей матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?
 185 — Есть за морем поляница да одинокая,
 Есть за морем поляница да одинокая,
 Та поляница моя матушка.
 Тут соскакивал старой на резвы ноги,
 Брал Сокольника за белы руки,
 190 Называл его сыном любезным.
 Говорит Сокольник таково слово:
 — А и как ты прижил меня моей маменьке?
 — Я у маменьки твоей прожил в таю⁶ три месяца,
 Тут тебя и прижил я, мой сын.
 195 Говорит Сокольник таково слово:
 — А поеду я, спрошу у моей маменьки,
 Верно ли ты ею похвасталсе.
 Погонил Сокольник к своей маменьке,
 А старой поставил шатер белобархатный,
 200 Лег он спать с великого побоища.
 Пригонил Сокольник к своему двору,
 Говорит матери таковы слова:
 — Был я на полях на киевских,
 Видел старого казака Илью Муромца.
 205 Назвал он тебя б. . . . ю, меня вы. . . . м.
 — Не пустым старой похваляется,
 Он со мной жил в таю ровно три месяца,
 Тут тебя мне-ка прижил.
 Тут схватил Сокольник саблю вострую,
 210 Срубил у матери буйну голову.
 Он садился на добра коня,
 Ехал во чисто поле ко старому.
 Заскочил Сокольник в шатер белобархатной,
 Старой спит, как порог шумит.
 215 Ткнул Сокольник старого копьем в ретиво сердце.
 А у старого погодилсе на груди чуден крест,
 Копейцо в крест вошло да и сломалосе.
 Ото сну старой пробуждается,
 Как схватил Сокольника за черны кудри,
 220 Поднял повыше дерева стоячего,
 Чуть пониже облака ходячего,
 На белы руки его не подхватывал.
 Пал Сокольник на матушку сыру землю.
 Тут Соколичку смерть случиласе.
 225 Тогда собрал старой свой белой шатер,
 Скочил старой на добра коня,
 Сам поехал на заставу богатырскую.

Записано 5 августа 1955 года в дер. Боровской Усть-Цылемского р-на
 Коми АССР от Леонтия Тимофеевича Чупрова, 52 лет, Маркела Мар-
 келовича Чупрова, 72 лет, и Анны Лукиничны Чупровой, 43 лет.

⁵ Заведь — кисть руки.

⁶ Тай — тайбола, тайга. По объяснению исполнителя — тайком.

3

СТАРИНА ПРО СТАРА КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА
(ИЛЛЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК)

- Собиралсе старой да в путь-дорожечку,
 А во ту-ою субботу-то во христовскую.
 Как в заутренню поспеть во стольной Киев-град,
 А всё прямым-то путем туда семьсот тут верст,
 5 Ах окольным-то путем дак восемьсот тут верст.
 Прямоезжа-та дорожка да заколодела,
 Ах калиновы мосты все разворочены,
 Заселилсе там Соловей да сын Рахматович.
 Ах сряжалсе старой да в путь-дорожечку,
 10 Ах как складывал он заповедь великую:
 Как бы в пути-то-ле мне да во дорожечке
 Ах как рук бы ды своих да не кровавити.
 Ах поехал старой да в путь-дорожечку.
 Ах приехал старой во Быкетовец-град.
 15 Ах как те ли мужики жа быкетовские
 Ах как ходят во слезах да во великих,
 Ах напала на них литва поганая.
 Ах как стал тут старой да подрадумался:
 — Ах как всякой-то заповеди вкладыват,
 20 Ах не всякой же заповедь исполняют.
 Ах начал он тут бить литву поганую,
 Не оставил поганых на семена.
 Ах как те ли мужики да быкетовские
 Ах тащат тут они да злато-серебро,
 25 Говорил тут старой да Илья Муромец:
 — Мне не надобеть вашо да злато-серебро,
 Попросите-ка вы мне да могучей силы.
 Ах поехал старой да в путь-дорожечку.
 Ах слышал Соловей да сын Рахматович,
 30 Как едет удалой да добрый молодец,
 Засвистел Соловей по-соловьиному,
 Замызхал тут собака да по-собачьему,
 У Ильи ведь тут конь да на колени пал.
 Ах как бил-то Илья да по крутым ребрам:
 35 — Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
 Не слышал воронина да всяка граянья,
 Не слышал ты сорочьего кычиканья?
 Ах от свиста да ты да на колени пал.
 Ах снимал тут Илья с себя тугий лук,
 40 А как вкладывал он стрелочку каленую,
 А как вкладывал он, стрелке да приговаривал:
 — Ах лети-ко, моя стрела каленая,
 Ах лети-ку Соловью да ты во правый глаз,
 Ах как выйди, стрела, да во левое ухо.
 45 Ах свалился Соловей да сын Рахматович.
 Ах подъехал старой да Илья Муромец.
 Ах схватил он Соловья да за белые руки,
 Пристегнул он ко стремени булатному.

- Ах поехал старой во стольной Киев-град.
 50 Ах приехал старой-то ли ко к обеденке.
 Ах отслужили уже службу христовскую.
 Говорит тут старому да Владимир-князь:
 — Ах как что же ты, Илья, да опоздал сегодня?
 Говорил тут Илья да таковы слова:
 55 — Получилось две одержки тут великие.
 Ах как первая одержка да вот Быкетовец-град,
 Ах напала на него литва поганая,
 Ах разбил я их да растоптал да до единого.
 А втора одержка да Соловей-разбойничек.
 60 Ах говорил тут как солнышко Владимир-князь:
 — Ах не ври-ка, Илья, нас не обманывай,
 Что Соловей будет у тя да здесь прикованной.
 — Ах идемте со мной вы ко добру коню,
 Ах увидите там Соловья-разбойника.
 65 Ах пошли тут они да ко добру коню,
 Говорит тут да солнышко Владимир-князь:
 — Засвисти-ка, Соловей, по-соловьиному,
 Замызхай-ко, собака, да по-собачьему.
 Говорит Соловей да сын Рахматович:
 70 — Не твое я пью-ем, не у тя и кушаю,
 Не тебя я хочу да нонь ведь слушати.
 Говорил тут старой да таковы слова:
 — Засвисти-ко, Соловей, да только в полсвиста.
 А как солнышко князь тут на колени пал.
 75 Ах как вынул старой тогда булатной нож,
 А прирезал-приколол Соловья на смерть тогда.

Записано 19 августа 1955 года в дер. Трусовской Усть-Цылемского р-на
 Коми АССР от Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет.

4

СТАРИНА ПРО ЧУРИЛУ

(ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА ПЕРМЯТЫ)

- Выпадала пороха да снегу белого,
 Ах-ы не во пору порошица, не во времё,
 Как середь конца лета да о Петрова дни.
 Ах как по этой по порохе да не ушкан скакал,
 5 Не ушкан тут-то скакал, не горностасть рыскал,
 Ах-ы бежал тут-то Чурила да Бладоклénкович
 Ко чужой-то жене да он к Пермякиной.
 Увидала его девушка-чернавушка,
 Молодая Пермякина служаночка:
 10 — Уж ты гой еси, Чурило да Бладоклénкович,
 Ты чужу пашню пашешь, а своя-то стоит,
 Ты чужу-то женку любишь, а своя так живет.
 Уж я пойду, схожу да Пермяты скажу.
 — Не ходи-ко, служанка, ты еще не сказывай,
 15 Я куплю тебе серёжечки с подвосточкой,
 Заплачу я за серёжки да двадцать пять рублей.

- Мне не дороги да твои златы серёжечки,
Только дорога мне да правда да истина.
- Ах забрался Чурила да в теплу спаленку,
20 Ах разулся-разделся да по-домашнему,
Ах сафьяны-ти сапожечки-ле под лавочку,
Ах как шапочка, рукавочки на лавочке,
Ах как цветно-то платьице на грядочке.
Увидала его девушка-чернавушка,
25 Ах молодая Пермьякина служаночка:
— Уж ты ой еси, Чурила да Бладоклénkович,
Ты чужу пашню пашешь, своя так стоит,
Ты чужу женку любишь, а своя так живет.
Уж я пойду-то схожу да Пермьяты скажу.
30 — Не ходи-ко-ся ты еще не сказывай,
Я куплю тебе сапожечки зелён сафьян,
Заплачу я за сапожки пятьдесят рублей.
— Мне не дороги твои будут сапожечки,
Только дорога мне да правда-истина.
- 35 А пошла же тут девушка-чернавушка.
— Уж ты гой еси, Пермьята да сын Васильевич,
Заскочил к тебе конь да в зелены сады,
Он ведь топчет твою да шелкову траву.
Ах Пермьята на это был догадливый,
40 Ухватил он с собой да саблю вострую,
Ах бежит тут Пермьята да в теплу спаленку,
Ах лежит тут Чурила да с молодой женой.
Ах срубил он Чуриле да буйну голову.
— Уж ты кайся-ко, баба, да во первом грехе,
45 Я прошу еще твою беду великую.
Говорила Пермьяты да молода жена:
— Где бел лебедь лежит, пускай ляжет лебедушка.

Записано 18 августа 1955 года в дер. Трусовской Усть-Цылемского р-на Коми АССР от Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет.

5

ПРО ФАТЕНА (ХОТЕН БЛУДОВИЧ)

- Как мы сидели на пиру дак две честны вдовы,
Две честны были вдовы дак две боярины,
Как одна была Маринка да Чусова вдова,
Как друга была Овдотия вдова-то Блудова,
5 Наливала тут Овдотья да чару зеленá вина,
Не велику и не малу — ведь полтора ведра,
Подносила она Маринке да Чусовой вдовы,
Как за чарой сама речь дак выговаривала:
— Уж что же нам людьми с тобой да меняться,
10 Уж что же нам добрыми да засылатисе,
Как у мя-то ведь есть дак дорогó чадó,
Дорогой у мя есть дак сын Фатенушко,
Как у тя то-ле есть дак дорогá дочёрь,
Дорога ли твоя Савишна Чусавишна

- 15 Как не можно ли с тобой нам их вместях свести,
 Как вместях-то их свести, дак сватовство-то завести?
 Уж как тут нынче Маринке да за беду стало,
 За велику ей досаду да показалосе.
 На отмашку она чару-ту отвбила,
- 20 Разливала эту чару да зеленá вина
 Как по тем-де по столам, столам дубовым,
 Как по тем-де по столешенкам кедровым,
 Как по тем да по скатёрочкам шитым-бранным,
 Как по тем-де по питьям-ествам сахарным:
- 25 — Как у мя-то ведь есть да дорогá дочь,
 Дорога-де моя Савишна Чусавишна,
 Как у тя-то ведь есть дак сын Фатенушко,
 Как отец-от у его был да блудно блудище,
 Уж как он-то уродился дак чудно чудище,
- 30 Он по городу по Киеву шатается,
 Будто дикая собака да и скитается,
 Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,
 Где зерна-то ведь найдет, дак и тут и сыт живет,
 А зерна-то не найдет — живет он голоден.
- 35 Уж как тут нынче Овдотье да за беду стало,
 За велику ей досаду да показалосе.
 Как ставала тут Овдотьа да со честнá пиру,
 Выходила тут Овдотьа дак вон на улицу,
 Как брала тут Овдотьа своего коня доброго,
- 40 Как садилась тут Овдотьа да на добрá коня,
 Как поехала Овдотьа к своёму терему,
 Как ведь едет тут Овдотьа ко своёму терему,
 Повеся́ держит свою да буйну голову,
 Потопя держит свои да очи ясные.
- 45 Как взглянул ведь у ей Фатенко да вон на улицу,
 Как взглянул ведь он в окошечко косявчатое,
 Как взглянул ведь он в стеколышко хрустальнее,
 Он увидел свою маменьку родимую:
 — Уж как едет моя маменька со честнá пира́,
- 50 Уж как едет ведь родима не по-старому,
 Уж как едет моя маменька не по-прежнему,
 Повеся́ держит свою да буйну голову,
 Потопя держит свои да очи ясные.
 Как въезжает тут Овдотьа ко высокоу терему,
- 55 Выбегает тут Фатенко дак вон на улицу,
 Он встречает свою маменьку родимую:
 — Уж и что же, моя маменька, едешь не по-старому,
 Уж ты едешь со честнá пира да не по-прежнему,
 Повеся́ держишь свою буйну голову,
- 60 Потопя держишь свои дак очи ясные?
 Говорит ведь ему маменька родимая:
 — Как мы сидели на пиру дак две честнб́ вдовы,
 Две честнб́ были вдовы да две боярины,
 Как одна была Маринка да Чусовá вдова,
- 65 Как друга была Овдотьа вдова-то я Блудова,
 Я наливала тут Маринке да чару зеленá вина,
 Не велику и не малую — полтора ведра,

- Подносила я Маринке да Чусовой вдове,
 Как за чарой сама речи да выговаривала:
 70 «Уж что же нам людьми с тобой да менятисе,
 Уже что же нам добрыми да засылатисе,
 Как у мня-то ведь есть да дорогой ведь сын,
 Дорогой ли у мня ведь сын да есть Фатенушко,
 Как у тя ведь есть да дорогá дочерьь,
 75 Дорога ли твоя Савишна Чусавишна.
 Дак не можно ли с тобой нам их вместях свести,
 Как вместях-то их свести, сватовство-то завести?»
 Уж как тут нынче Маринке за беду стало,
 За велику ей досаду показалосе,
 80 Наотмашку она чару тут отвóдила,
 Разливала эту чару да зеленá вина
 Как по тем де по столам, столам дубовым,
 Как по тем де по столешенкам кедровым,
 Как по тем де по скатёрочкам шитым-бранным,
 85 Как по тем де по питьям-ествám сахарным,
 Как за чарой сама речь дак выговаривала:
 «Как отец это у его был да блудно блудище,
 Уж как он-то уродился дак чудно чудище,
 Как по городу по Киеву шатаетсе,
 90 Будто дикая собака да и скитаетсе,
 Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,
 Где зерна-то ведь найдет, да тут и сыт живет,
 Как зерна-то не найдет — живет он голоден».
 Уж как тут нынче Фатену да за беду стало,
 95 За великую досаду показалосе,
 Выходила тут Овдотья вон на улицу,
 Он заскакивал, Фатенушко, да на добрá коня,
 Погонил он ведь ко Марине ко высóку теремú.
 Она-то была, Маринка, да нынче хитрая,
 100 Она выскакивала она нонь вон да на улицу,
 Подняла она ведь форточку кленовую.
 Как на то ведь был Фатенушко догадливой,
 Как увидел он ведь форточку кленовую,
 Как ударил своёй палицей буёвою,
 105 Раскатились ейны форточки на мелки дребезги,
 Как приганивал Фатенко к високу терему,
 Как ударил тут Фатенко своей ведь палицей,
 Как рассыпался у ей терем по окошечкам.
 Как ведь-то тут выходила Маринка да вон из терема,
 110 Как схватила она свою дочерьь за белóй платок,
 Как свхатаскивала она ей на улицу,
 Как запикивала Фатенке на добрá коня,
 Называла тут Маринка любимым-ле зятём.
 Как поехал тут Фатенко во божью церквú,
 115 Тут ведь нынче Фатенко повенчался-то,
 Тут поехал наш Фатенко ко своёму теремú,
 Как увидела его маменька родимая:
 — Уж как едет нонь Фатенко, да поженился-то.

ПРО ДОБРЫНЮ

(К ТЕКСТУ № 1)

$\text{♩} = 92$

Вот и преж_ де Ка_ зань и да_ к(ы)
сло... о_ бо_ дои и сто_ ял, Ка_ бы
нын_ че Ка_ зань да.к(ы) сла_ в(ы).ный
го_ ро.д(ы) стал. Как во том е_ щё в Ка_
за ни да сла_ в(ы).но.м(ы) го_ ро_ де
У_ же жил тут и был Ми_ ки_ ту.ш(и)_
ка... а Ро ма_ но_ вич, У_ же
жил он и жил де_ вя_ но.сто лет, а де_ вя_
но.с(ы) то лет. Как со.с(ы)_ та_ ри.л(ы).се Ми_
ки ту.ш(и)_ ка, ах и пре.с(ы)_ та_ вил_ се (по.мер!)...

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА

(К ТЕКСТУ № 2)

$\text{♩} = 92$

The musical score is written in G major and consists of six staves. The first staff begins with a treble clef, a 3/4 time signature, and a tempo marking of quarter note = 92. The melody is written on a single line. The lyrics are placed below the notes. The second staff has a 3/4 time signature and a Roman numeral II V above it. The third staff has a 4/4 time signature and a Roman numeral II V above it. The fourth staff has a 4/4 time signature. The fifth staff has a 3/4 time signature and a Roman numeral II V above it. The sixth staff has a 3/4 time signature and a Roman numeral II above it. The lyrics are: [Ой] Не да лё ко от го ро да от Ки е ва, Не да лё ко, не близ ко да за две над цать верст Сто я ла зас га ва да бо га тыр ска я. Не ве ли ка не ма ла, трид цать да со бо го ты рем.

[Ой] Не да лё ко от го ро да от
Ки е ва, Не да лё ко, не
близ ко да за две над цать верст Сто
я ла зас га ва да бо га
тыр ска я. Не ве ли ка не
ма ла, трид цать да со бо го ты рем.

ПРО ФАТЕНА

(К ТЕКСТУ № 5)

Ка_к(ы) мы_ си_ де_ ли на пи_ ру да_ к(ы)

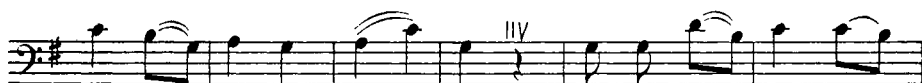
две че_с(ы)тлы_..(ы) вдо_..(о)_ вы, Две чест_ ны бы_

_ли, в(ы)_до_ вы да_к(ы) две бо_ я_ (а)_ ры_ (ы)_ ны,

Ка_к(ы) о_ д(ы)_на бы_ ла Ма_ ри_ н(ы)_ка да

Чу_ со_ ва в(ы)_до_ ва, Ка_к(ы) дру_ га бы_

_ла О_в(ы)_до_ти_я вдо_ ва то Б(ы)_лу_ (у)_ до_ ва...